

*старший преподаватель кафедры
мировой литературы и культуры
имени профессора О.В. Мишукова
Херсонского государственного
университета*

ШЕКСПИРОВСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ПОВЕСТИ ДЖ. ОЛДРИДЖА «МОЙ БРАТ ТОМ»

Творчество довольно популярного в свое время английского писателя Джеймса Олдриджа наиболее активно изучается литературоведами в 50-е – 70-е годы XX века, однако внимание как английских, так и советских исследователей сосредотачивается преимущественно на их проблематике.

В начале XXI века российский литературовед С. Киприна, анализируя одной из повестей последнего периода творчества писателя «Похождения Плеваки Мак-Фри», отмечает, что «сейчас его творчество незаслуженно оттеснено на второй план и мало изучается» [1, с. 15]. И хотя никто из многочисленных исследователей творчества Дж. Олдриджа практически никогда не проводил каких-либо параллелей между его произведениями и классическими текстами У. Шекспира, именно С. Киприна сопоставит эпизод пребывания главного героя повести «Похождения Плеваки Мак-Фри» на безлюдном острове с текстом шекспировской «Бури» [1, с. 18].

Обзор монографий, статей, посвященных изучению творческого наследия Дж. Олдриджа, показывает, что его повесть «Мой брат Том. История одной любви» (1966 года) до сих пор остается на периферии научных интересов литературоведов. Исследователь М. Воропанова в статье о творчестве писателя ограничится лишь констатацией того, что это произведение посвящается «судьбе Тома, его любви, которая не состоялась из-за запретов со стороны родителей его избранницы» [2, с. 294]. Отечественный литературовед А. Чирков в статье «Сын неспокойного века» отметит сходство истории любви главных героев повести Дж. Олдриджа с историей любви двух юных веронцев: «Они принадлежат двум враждующим семьям, и подобно шекспировским Ромео и Джульетте вынуждены бороться за свою любовь» [3, с. 381]. Однако при этом уточнит, что «у Дж. Олдриджа эта история приобретает иной смысл, продиктованный реальностями XX века» [3, с. 381].

Цель статьи – выявить шекспировские реминисценции и их функции в повести Джеймса Олдриджа «Мой брат Том». Примем во внимание тот факт, что ни подтвердить, ни опровергнуть намеренность проведения писателем параллелей с шекспировскими претекстами не представляется возможным. Хотя вполне закономерно, что, раскрывая одну из основных тем творчества – преодоление отчуждения и непонимания людьми друг друга, выбора пути, выбора действия, выбора мировоззрения [4, с. 5], – Дж. Олдридж апеллирует к творчеству Шекспира. Неслучайно в прологе повести рассказчик сокрушается по поводу того, что старшее поколение не сумело передать своим детям, страдающим от душевной пустоты, «истины, обретенные <...> в молодые годы, [которые] и теперь остаются истинами» [5, с. 2]. Иными словами, речь идет о вечных истинах, в поисках и отстаивании которых гибнут лучшие герои трагедий У. Шекспира.

Так, тревога рассказчика по поводу того, что его «сын Дик выходит в жизнь в неустойчивом, **расшатанном мире**, где нелегко найти окрыляющую цель», а «в области секса нравы <...> сильно смахивают на порядки скотного двора» [5, с. 2], побуждает читателя вспомнить реплику Гамлета: «The time is out of joint» [6, с. 98]. В различных переводах она звучит по-разному: «Век расшатался...» (М. Лозинский) [6, с. 99], «Разлажен жизни ход...» (Б. Пастернак) [7, с. 154], «Звихнувся час...» (Л. Гребинка). Реминисценция позволяет ощутить важность затронутых писателем социальных и нравственных проблем, остро осознать необходимость восстановления культурно-исторической памяти, и тем самым – «времен связующей нити». Функция реминисценции – в актуализации мотивов распавшегося времени, преемственности поколений, вечности нравственных ценностей, что сближает проблематику современной повести Олдриджа с классической трагедией Шекспира.

Как представляется, «удвоенное» название произведения Олдриджа содержит аллюзию на трагедии У. Шекспира «Гамлет» и «Ромео и Джульетта». Первая часть заглавия – «Мой брат Том» – отсылает к сопоставлению текста повести с сюжетом трагедии о молодом человеке, который пытается преодолеть внутренние противоречия, вызванные долгом перед памятью отца, но не способного слепо выполнить его требования.

Подзаголовок «История одной любви» ассоциативно напоминает о великой любви, способной противостоять ожесточенной вражде двух семейных кланов («Ромео и Джульетта»); да и сам автор считает необходимым в финале своеобразного пролога подчеркнуть, что его произведение – это «прежде всего повесть о любви» [5, с. 2]. Хотя это уточнение можно интерпретировать и более широко: повесть о любви к жизни, к людям, к детям.

Повествование в произведении Дж. Олдриджа ведется от имени старшего брата главного героя – Кита, своего рода «доверенного лица» Тома. В данном случае образ Кита сопоставим с образом Горацио: он, свидетель и участник событий, произошедших почти тридцать лет назад, как будто выполняет просьбу главного героя трагедии «Гамлет», завещавшего преданному другу поведавать грядущим поколениям правду о том, что довелось ему перестрадать и передумать, вступая в единоборство с несовершенством мира.

Действие повести Дж. Олдриджа разворачивается в австралийском провинциальном городишке, нравы и обычаи которого со всем «его невежеством, его нетерпимостью, его религиозной тупостью, его нелепым, чисто австралийским стремлением все выравнивать по своей мерке» очень близки к средневековым [5, с. 79].

По утверждению рассказчика, страстно мечтающего, как и Лаэрт, поскорее вырваться из душающей атмосферы Сент-Хэллена, этот городок представляет собой *«тюрьму, отупляющую, глушащую все человеческое»* [5, с. 35]. Эти строки побуждают вспомнить шекспировский текст, в котором принц Гамлет, утверждая, что «Дания – тюрьма», в ответ на реплику Розенкранца *«Тогда весь мир тюрьма»* добавит: *«И притом образцовая, со множеством <...> подземелий, из которых Дания – наихудшее»* [7, с. 166].

Юный Том *«с горючей, как сухой кустарник, совестью»* [5, с. 4], жаждущий *«определить свой нравственный долг перед людьми»* [5, с. 14], подобен шекспировскому Гамлету. Собственному брату он представляется особенным, потому что *«его обнаженная совесть не допускала компромиссов», «в нем уже появилось нетерпимое отношение к тому порядку вещей, который охраняла общепринятая мораль, все равно – австралийская или английская, потому что он понемногу приучался смотреть на все с другой, новой точки зрения»* [5, с. 9]. С новой точки зрения смотрит на мир и шекспировский герой, медлящий с осуществлением кровной мести убийце отца, вопреки средневековой традиции.

Подобная жизненная позиция обрекает Тома на многочисленные испытания. Беспокойная совесть юноши терзает его даже тогда, когда он лично ничего низкого не совершает: *«Том чувствовал себя невольным участником подлости, и это не давало ему покоя»* [5, с. 11]. Как и шекспировский принц, главный герой повести нетерпимо относится ко всему, что имеет хотя бы *«долю притворства»* [5, с. 11]. Нечто схожее Гамлет произносит в беседе с Гертрудой: *«Я не хочу / Того, что кажется <...> Что кажется <...> может быть игрою»* [6, с. 41]. Поэтому искренний и бескомпромиссный Том так мучительно переживает разлад с окружающей его действительностью, где все, по утверждению его отца, пропитано притворством: *«Мы живем в стране, где важно не то, что есть, а то, что кажется; не предмет, а его тень»* [5, с. 54]. Таким образом в повести актуализируется шекспировский мотив нетерпимости к кающемуся.

Главный герой повести Олдриджа – человек действия и чести. Том, хоть часто и не ладил с отцом, с самого детства кулаками готов отстаивать честь главы семьи. Этим он как будто разительно отличается от нерешительного шекспировского Гамлета. Но и датский принц решительно действует в критических ситуациях; показательными примерами этого являются его молниеносная реакция на случайно обнаруженное присутствие Полония в покоях королевы или дерзкое предложение пиратам получить за его спасение выкуп в момент их нападения на судно, увозящее принца в Англию.

С шекспировским Гамлетом героя Дж. Олдриджа сближает благородство. Он никогда не проявляет жестокости, идет наперекор толпе, требующей от него добить противника на боксерском ринге. Том считает недостойным нанести последний удар уже поверженному им на ринге Финну Маккуилу, хоть тот и вел бой нечестно. О своем преследователе юноша способен даже говорить с сочувствием: *«Да он, в общем, неплохой парень. <...> Только иногда на него дурь нападает»* [5, с. 46].

Став случайно свидетелем пожара в доме закланного врага своего отца, Том не смог устоять безучастно на одном месте: *«<...> вдруг перепрыгнул через путаницу пожарных рукавов, пробежал по дорожке, ведущей к горящему дому. <...> Через минуту он показался опять <...> таща за собой что то большое и нескладное. Это оказалась гладильная доска»* [5, с. 6].

Юноша спасает тонущих, поднимая со дна Муррея на поверхность троих человек. Однако в живых остается только дочь Локки Макгиббона, враждебно настроенного против его отца. Но собственное счастье, свою первую любовь Том не смог спасти: чистые чувства его и Пегги захлестнула «муть» Сент-Хэлленской действительности. Возможно, эти моменты сопоставимы с мотивом смерти в речном потоке несчастной Офелии, жертвы безжалостных обстоятельств, возникшим в «Гамлете»: *«to muddy death»* [6, с. 322] (илистая смерть, «трясина смерти» [6, с. 323], «муть смерти» [7, с. 223]).

Подобно шекспировскому Гамлету герой Олдриджа пытается остановить грозящее миру зло: во время парада АНЗАК – священной для австралийцев церемонии, чтящей память погибших в Первой мировой войне, – он вдвоем со своим наставником выйдет с плакатами, гласящими: *«Война 14-го года была империалистической войной! Долой империализм!», «Долой политику умиротворения Гитлера!»* [5, с. 72]. Лишь арест спасет юношу в этот день от расправы над ним разъяренных участников парада и горожан. Кит-«хроникер» констатирует: *«Так Том в последний раз встретился лицом к лицу с городом Сент Хэлен и его коренными обывателями»* [5, с. 73].

Появление Тома в день АНЗАК с плакатами о бессмысленности Первой мировой войны приводит в ярость Джо Коллинза, ветерана бесславной военной операции 1915 года на полуострове Галлиполи (Турция). Преисполненный величия в столь знаменательный для него день, ветеран *«при виде Тома <...> вытучил глаза, точно ему явился призрак человека, с которым он не успел свести давние счета <...> щенок, мальчишка бросает вызов всему городу и лично ему, бравному кавалеристу Джо!»* [5, с. 72]. Так в завершающих главах повести «Мой брат Том» возникает мотив призрака, тени.

В «Гамлете» этот мотив возникает, напротив, в первой сцене: стражники сообщают Горацио о появлении Призрака короля в полном боевом облачении. Однако Призрак датского короля появляется не только для того, чтобы призвать сына отомстить за собственную смерть. Он, одержавший победу в битве с норвежцами и поляками, появляется на сторожевых башнях Эльсинора как предупреждение о военной угрозе, нависшей над королевством, об утрате Данией своей былой независимости и величия. Действительно, принц Норвегии Фортинбрас в финале трагедии присоединит к своим владениям земли Дании. В появлении призрака короля стражники видят подтверждение собственных самых тревожных предчувствий: *«К чему такая строгость караула. <...> Чем вызвана отливка медных пушек, / И ввоз оружия из-за рубежа, / И корабельных плотников вербовка»* [7, с. 128].

О грядущих бедах предупреждает сограждан и юный Том, призывающий накануне событий 1939 года к бдительности, к активному противодействию против политики Гитлера, к борьбе с нависшей над миром угрозой. После Второй мировой войны в день АНЗАК в Австралии и Новой Зеландии будут чтить память своих граждан, погибших уже во всех войнах и военных конфликтах с участием этих стран. Так что в тот день, 25 апреля, в день АНЗАК, Джон Коллинз и участники парада в своем боевом облачении на улицах Сент-Хэллена больше, чем Том, походят на призраков: они – призраки бесславного прошлого, призраки, предупреждающие о приближении бессмысленной и кровопролитной грядущей Второй мировой войны, призраки, жаждущие реванша за свое былое поражение и предрекающие новые жертвы новой войны.

Юный герой повести Дж. Олдриджа мыслит масштабными категориями. Для него намного важнее взаимоотношений с возлюбленной даже не интересы, принципы и безукоризненная репутация собственного отца, а судьба всего мира. И, столкнувшись с *«неожиданной дилеммой: любовь или политика, любовь или идеи, любовь или ты сам, каким ты себя считаешь»* [5 с. 30], Том отдаст предпочтение последнему, так как *«сам он сочетался браком с неизбежностью. Война уже стала для Тома железной женой, к которой он был прикован кандалами внутреннего убеждения»* [5, с. 74].

Утверждая, что для Джо Коллинза (возможно, и для всех других ветеранов, ряды которых тот возглавляет на параде) участие в том шествии представляет собой тот *«единственный час в году, который составлял цель и средоточие всей <...> жизни»*, автор невольно побуждает читателя сопоставить персонажей Дж. Олдриджа и У. Шекспира. Образы ветеранов Первой мировой войны, весь смысл жизни которых сосредоточен в их причастности к бессмысленному кровопролитию, длившемуся около восьми месяцев в другом полушарии и закончившемуся бесславной эвакуацией участников безрезультатного десанта, сопоставимы прежде всего с образом принца Фортинбраса – полной противоположности и шекспировского Гамлета, и олдриджевского Тома.

Юный принц Норвегии, как замечает Клавдий, *«вступил в союз с мечтой самолюбивой и неустанно требует от нас возврата <...> земель <...> и наборы, и все снабжение войск обременяют его же подданных»* [6, с. 57]. В четвертой сцене четвертого действия трагедии он появится во главе войска в Датском королевстве, получив разрешение пересечь территорию этого государства с целью вторжения в пределы Польши. Цель его похода ничтожна. Как сообщит Гамлету капитан его войска, *«нам хочется забрать клочок земли, который только и богат названьем. Доход с него не даст пяти дукатов»* [6, с. 277].

Однако датский принц не столько возмущен бессмысленностью и преступностью действий Фортинбраса, сколько упрекает самого себя за бездействие, за неспособность *«вступить в ярый спор из-за былинки, когда задета честь»* [6, с. 281]. Антимилитаристский пафос речей Гамлета направлен против честолюбивых действий норвежского принца, из-за военной агрессии которого *«смерть вот-вот проглотит двадцать тысяч, что ради прихоти и вздорной славы идут в могилу, как в постель, сражаться за место, где не развернуться всем, где даже негде схоронить убитых»* [6, с. 281].

Подобны Джо Коллинзу, эпизодическому персонажу повести Дж. Олдриджа, герои шекспировских трагедий Лаэрт и Тибальт, обретающие ощущение значимости собственной персоны либо в осуществлении кровной мести, либо в раздувании родовой вражды. Напомним, Лаэрт преисполнен осознанием величия своего предназначения, когда стремится любыми способами уничтожить Гамлета, в котором он видит виновника смерти отца и сестры. Но любая месть, как убеждает У. Шекспир, бесплодна.

Мотив взаимоотношений матери и сына, постоянного присутствия отцовской тени в жизни Гамлета также своеобразно трансформируется в повести Дж. Олдриджа. Ведь хотя смерть родителей датского принца насильственна и преждевременна, однако она происходит в соответствии с логикой смены поколений. В повести Олдриджа *«тень Тома оставалась неразлучно»* с его родителями, которым предстоит надолго пережить собственного сына. Для старшего брата Том станет образцом для подражания, как погибший отец-король был образцом для сына-принца: *«После гибели Тома я добровольно (быть может, по романтическому складу своей натуры) принял на себя его роль, стремясь обрести ту же пуританскую твердость духа, ту же веру в достойное служения будущее, горизонты которого не ограничены религией, работой и семьей»* [5, с. 78].

Но именно в этом заключается существенное отличие текста повести Дж. Олдриджа от трагедии У. Шекспира. Писатель XX века не столько скорбит о преждевременно ушедшем из жизни прекрасном и благородном юноше, сколько утверждает вечность идеалов Тома, необходимость их воплощения в действительность. Повесть пишется с целью внушить эти возвышенные идеалы грядущему поколению, заставить его осознать ответственность за свой выбор и каждое действие.

Таким образом, в статье рассмотрены шекспировские реминисценции на сюжетно-композиционном, проблемно-тематическом, мотивном и образном уровнях, выявленные в процессе интертекстуального анализа повести Дж. Олдриджа «Мой брат Том» и трагедии У. Шекспира «Гамлет». Перспективным представляется сопоставление повести Дж. Олдриджа с шекспировской трагедией «Ромео и Джульетта», сравнение образов Пегги и Офелии.

Литература:

1. Киприна С. Гуманистическая традиция в повести Дж. Олдриджа «Подлинная история Плеваки Мак-Фри» / С. Киприна // Вестник Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева. Серия «Филология». – 2009. – № 2(13). – С. 15–20.
2. Воропанова М. Олдрідж Джеймс / М. Воропанова // Зарубіжні письменники: енциклопедичний довідник : в 2 т. / за ред. Н. Михальської та Б. Щавурського. – Тернопіль: Навчальна книга – Богдан, 2006–2006. – Т. 2 : Л – Я. – 2006. – С. 292–294.

3. Чирков А. Сын нынешнего века / А. Чирков // Олдридж Дж. Последний дюйм / Дж. Олдридж. – К. : Радянська школа, 1989. – С. 380–383.
4. Янковський Ю. Передмова до збірки творів / Ю. Янковський // Олдридж Дж. Твори / Дж. Олдридж ; пер. з англ., прим. Ю. Янковського. – К. : Молодь, 1974. – С. 5–22.
5. Олдридж Дж. Мой брат Том / Дж. Олдридж [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://oldridzh-dzhejms.myviv.ru/cont/brothtom/html>.
6. Шекспир У. Трагедия о Гамлете, принце датском / У. Шекспир ; пер. с англ., вступ. ст., прим. М. Лозинского. – СПб. : Азбука-классика, 2003. – 416 с.
7. Шекспир У. Трагедии. Сонеты / У. Шекспир. – М. : Художественная литература, 1968. – 791 с.

Анотация

**И. СОЛОВЦОВА. ШЕКСПИРОВСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ
В ПОВЕСТИ ДЖ. ОЛДРИДЖА «МОЙ БРАТ ТОМ»**

В статье выявляются шекспировские реминисценции в произведении Дж. Олдриджа «Мой брат Том». В результате исследования автор приходит к выводу, что многочисленные шекспировские реминисценции используются писателем XX в. для утверждения преемственности вечных истин в духовном развитии человечества.

Ключевые слова: реминисценция, рассказчик, мотив, призрак, поколение.

Анотація

**І. СОЛОВЦОВА. ШЕКСПІРІВСЬКІ РЕМІНІСЦЕНЦІЇ
В ПОВІСТІ ДЖ. ОЛДРІДЖА «МІЙ БРАТ ТОМ»**

У статті виявляються шекспірівські ремінісценції у творі Дж. Олдріджа «Мій брат Том» на сюжетно-композиційному, проблемно-тематичному, мотивному та образному рівнях. Унаслідок дослідження автор доходить висновку, що численні шекспірівські ремінісценції використовуються письменником XX в. для твердження спадкоємності вічних істин у духовному розвитку людства.

Ключові слова: ремінісценція, оповідач, мотив, привид, генерація.

Summary

**I. SOLOVTSOVA. SHAKESPEARE'S REMINISCENCES
IN THE STORY "MY BROTHER TOM" BY J. ALDRIDGE**

Shakespeare's reminiscences in the work "My Brother Tom" by J. Aldridge are being revealed in the article on the plot-composition, problem-thematic, motif and imaginative levels. As a result of the research, the author comes to the conclusion that numerous Shakespeare's reminiscences are used by the writer of the twentieth century with the aim to approve the eternity of the most important themes and problems of his story, for a more complete disclosure of their meaning.

Key words: reminiscence, pretext, narrator, motif, ghost.